

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 397+398

В. А. Бурнаков

ОБРАЗ «КОНЬ – ЧЕЛОВЕК» В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – XX ВЕК)¹

Традиционный уклад жизни и хозяйственная деятельность хакасов были связаны с коневодством, которому отводилось важное место. Повседневный быт хакаса-скотовода был неразрывно связан с лошадью, от которой практически зависела вся его жизнь, начиная от повседневных хозяйственных действий вплоть до приема пищи. Это повлияло на то, что в традиционном сознании народа сформировался целый комплекс представлений об этом домашнем животном как о наиболее близком к человеку существе. В мировоззрении хакасов конь воспринимается не только как неперенный спутник и верный помощник человека, но и как равноправный партнер тандема «конь и человек». Целью данной статьи является характеристика образа «конь – человек» в традиционном мировоззрении хакасов. В качестве хронологических рамок исследования избран период конца XIX – XX вв., что определено возможностями анализируемых источников – фольклорно-этнографических материалов. Ключевым в данной работе является методологический принцип историзма. В результате проведенного исследования автор делает вывод о том, что в культуре хакасов одним из значимых был образ «конь – человек», имевший положительную коннотацию. Это, безусловно, свидетельствует о той важной роли, которую выполняла лошадь в материальной и духовной сферах жизни этого народа. В традиционном сознании хакасов образ этого животного чрезвычайно близок к человеку, он осмысливается не просто как верный друг и помощник своего хозяина, но и наделен повадками человека. Репрезентация концепта «конь – человек» более полное раскрытие получила в эпических произведениях, а также в народных пословицах, поговорках и загадках. В устном народном творчестве хакасов образы коня и человека образуют двуединое целое. В фольклоре посредством образной параллели манифестируются представления о скакуне и его хозяине. Проводится ассоциативно-символическое сравнение поведения человека и лошади. Определяется, что образ этого животного предельно очеловечен и зачастую символически отождествлен именно с мужчиной.

Ключевые слова: хакасы, традиционная культура, мировоззрение, концепт «конь – человек», образ, символ, фольклор, соционормативные установки

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется возросшим интересом современного российского общества к традиционной культуре и частным ее проявлениям, в том числе многовековым представлениям о природе и животных. Повышенное внимание к традиции предков во многом обусловлено поиском идентичности в условиях стремительной утраты многих исторических и культурных ценностей.

Конь является одним из тех немногих домашних животных, которые играли и продолжают играть важную роль в быту и культуре многих народов. Большое значение коню и его образу придается и в их духовной жизни, и соционормативных практиках, что получило отражение в верованиях и фольклоре. Все это в полной мере присуще и хакасам. Многогранный образ коня широко представлен в традиционной культуре этого народа.

«Конскую» тематику в культуре хакасов в той или иной степени затрагивали многие исследователи. При этом отдельные ученые в рамках изучения тех или иных этнографических вопросов лишь коснулись ее, другие же занимались ею целенаправленно. Среди авторов, внесших наибольший вклад в изучение данной проблемы, следует отметить: Н. Ф. Катанова [1],

¹ Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Л. П. Потапова [2, 3], Н. П. Дыренкову [4], В. Я. Бутанаева [5, 6], М. А. Унгвицкую и В. Е. Майногашеву [7], Я. И. Сунчугашева [8], О. В. Субракову [9], Н. С. Чистобаеву [10], В. А. Бурнакова [11–17] и др.

В работах этих исследователей сквозь призму таких гуманитарных дисциплин, как археология, этнография, фольклористика и лингвистика, рассмотрены вопросы определения места и роли коня в мифологии, эпическом творчестве и языке хакасов. Отметим, что В. А. Бурнаков посвятил цикл статей специальному анализу роли и места коня в традиционном мировоззрении и обрядовой практике хакасов. Им был тщательно рассмотрен феномен коня *-ызых'а* в ритуальной жизни народа. Изучена роль коня в культовой деятельности самих шаманов. Проанализирована функция коня в обрядности, связанной с полным жизненным циклом человека: рождением, свадьбой и смертью. Помимо того, были рассмотрены мировоззренческие представления, связанные с восприятием этого животного как небесного и хтонического существа. Таким образом, лакуна, связанная с сакрализацией образа коня в культуре хакасов, была практически заполнена. Вместе с тем следует отметить то, что все же не все грани его образа получили должного освещения. Не достаточно изученным остается вопрос, касающийся его народного восприятия в качестве животного, наиболее приближенного к человеку, во многом обусловленного его утилитарным назначением. В традиционном сознании хакасов данная тенденция проявляется прежде всего в антропоморфизации образа коня и, соответственно, гиппоморфизации образа человека. Отсутствие подобного исследования на хакасском историко-этнографическом материале с привлечением данных фольклора и языка этого народа определяет новизну представленной работы. Итак, целью данной статьи является характеристика образа «конь – человек» в традиционном мировоззрении хакасов.

Основой традиционного хозяйства тюрко-монгольских народов, как известно, является скотоводство. Ключевое место в нем отводится табунному коневодству, которое исторически было обусловлено кочевой/полукочевой жизнью степняков. Лошадей, как правило, разводили в большом количестве, что было обусловлено тем, что они являлись основным средством передвижения; на протяжении всего года могли без особого труда добывать подножный корм; во время перекочевков легко преодолевали огромные пространства и могли перевозить весь необходимый груз и т. д. [18, с. 266].

Трудно переоценить значение коня в повседневном быту кочевника-скотовода. Конь с древних времен используется как верховое, вьючное, упряжное и тягловое животное. Лошадь выступает в качестве важного источника мясомолочной продукции для человека. Ее шкура и волос широко используются для изготовления одежды и иных предметов домашнего обихода. Даже высохшие экскременты этого животного часто применяются как подручное топливо, обладающее высокими горючими свойствами. Кроме того, они же широко употребляются в качестве эффективного органического удобрения на обрабатываемых землях. Столь широкая утилитарная востребованность коня в быту, а также его ум и особая близость к человеку способствовали формированию почтительного отношения к лошади, нередкоходящего до его идеализации. Образ коня обладает широким семантическим полем и занимает видное место в религиозно-мифологической системе и соционормативных практиках тюрко-монголов, в том числе и хакасов.

В исторической литературе довольно устоявшейся является дефиниция «культ коня», применяемая в отношении отдельных аспектов духовной культуры многих народов Евразии, связанных с этим одомашненным животным. В частности, многими исследователями она без должного осмысления и шаблонно употребляется при обобщающей характеристике коня в мифоритуальном комплексе различных этнических сообществ. Заметим, что под «культуром коня», как правило, ими понимается уважительное, а порой и трепетное отношение к коню, обусловленное его утилитарными и ритуальными функциями, а также высокой символической ценностью. В данном контексте указанная дефиниция зачастую неосознанно и машинально

переходит из одной работы в другую, при этом не получая соответствующей критичной оценки. Вместе с тем, как убедительно показал С. П. Нестеров [19, с. 8–10], термин «культ» по отношению к коню во многих случаях употребляется не совсем корректно. Поясним данный факт. Как известно, в науке под словом «культ» понимается непосредственно сам объект поклонения, т. е. божество или иная сверхъестественная сила, к которым верующие испытывают религиозные чувства и совершают в отношении них ритуальные действия [20, с. 113–115]. К примеру, в традиционных представлениях народов Саяно-Алтая однозначно можно выделить такие основные культы, как небо, вода, огонь, горы и т. д. Верующими они воспринимались в качестве высокочтимых божеств, наделенных мистической силой и оказывающих большое влияние на жизнь людей и других живых существ. В отношении них сформированы специальная ритуальная практика и определенные этические нормы. Конь же в соответствующей мировоззренческой системе и обрядности, несмотря на свой высокий семиотический статус, обычно выступает лишь в качестве второстепенного элемента – посредника, спутника, жертвы, предмета дарообмена и пр. Таким образом, сам по себе конь не фигурирует как исключительный и самостоятельный объект религиозного поклонения. Данная мысль в полной мере применима к восприятию коня в традиционном мировоззрении и обрядовой практике хакасов.

В культуре рассматриваемого народа конь был всесторонне и глубоко включен не только в сферу материальной, но и духовной жизни. Столь высокая значимость коня была точно сформулирована в такой хакасской народной загадке, как: «*Прай нимее кирек (ат)*» – ‘Для всех дел необходим (конь)’ [21, с. 109]. Это животное было неотъемлемым элементом мировоззренческой системы и обрядности народа, в том числе связанным с жизненным циклом человека – рождением, браком и смертью. В традиционном мировидении хакасов конь выступает в качестве неизменного и верного спутника человека. Он сопровождает своего хозяина на протяжении всей его жизни, начиная с рождения и заканчивая его погребением. В результате чего является естественной составляющей жизни не только отдельно взятого человека, но и всего этноса. Представление о неразрывной сакральной связи этого животного с хакасами получило свое воплощение в такой народной поговорке, как «*Лошадь – душа нашего народа*» (*ністің чонның тыны – ат*) [22, с. 30]. К сказанному добавим, что в представлениях хакасов конь часто воспринимается как земное существо, приносящее людям счастье. Исходя из этого, в традиционном сознании народа образ скачущего всадника был одним из ключевых символов благополучия. Данное убеждение получило отражение в таком распространенном благопожелании, как «*адыңның тінін [ідөк] пик тут*» – ‘Повод своего коня (также) крепко держи’. Оно символизирует собой пожелание человеку дальнейших жизненных успехов и счастья [23, с. 15].

Вместе с тем в мифологических представлениях хакасского народа конь устойчиво ассоциируется еще и с душой отдельного мужчины. В народных гаданиях по снам было принято полагать, что если девушке приснится конь, то именно это предвещает ей скорое замужество. В ситуации, когда беременной женщине приснился сон, где фигурировало обозначенное животное, то это непременно указывало на то, что в ближайшем будущем у нее родится мальчик [24, с. 178]. Учитывая данные мировоззренческие установки, становится понятен смысл старинного обычая *ат алызып*, когда близкие друзья в процессе побратимства обменивались самым дорогим, что у них было, а именно своими конями. Обозначенный акт был символически эквивалентен взаимообмену человеческими душами. Отметим и то, что во время свадебного ритуала новобрачную обменивали на коня (*нас ат*). В случае же расторжения брака женщине возвращался конь, причем с полным комплектом снаряжения (*ат-тон*) [5, с. 55]. Добавим и то, что согласно нормам обычного права хакасов в качестве возмещения ущерба за бесчестье девушки/женщины потерпевшая сторона обычно требовала от виновника коня [25, с. 95]. Таким образом, по своему символическому значению конь был равноценен мужчине / его душе.

Заметим, что символический параллелизм и отождествление образов коня и человека выступают типичным явлением в народных песнях. Приведем отрывок одной из них:

«Адам ады поэраам
Аттан хомай ат нимес;
Ада палазы поэраам
Аргадаң кинек нимес»

‘Отцовский рыжий конь
Среди коней не худший;
Отцовский сын, я сам
Среди людей не худший’ [26, с. 58].

В традиционной жизнедеятельности человека из всех домашних животных именно лошадь имеет наиболее длительный и близкий телесный контакт с ним ввиду того, что используется в качестве универсального транспортного средства, зачастую верхового. В культуре хакасов человек, любой всадник с самого раннего детства ощущает на коне себя совершенно естественно и свободно. Более того, он обычно испытывает чувство глубокого единства и гармонии со своим скакуном, тонко чувствуя каждое его движение и настроение, что нашло отражение в песенном фольклоре [1, с. 235].

Несмотря на большую народную любовь к коню, хакасам все же не было свойственно возводить его в культ. В противном случае это неизбежно способствовало бы отделению и значительному дистанцированию лошади от человека, что было немыслимо для скотовода в его повседневной жизнедеятельности. В традиционном сознании народа как раз наоборот ярко проявляется тенденция к профанации этого животного как своего рода антитезы процесса сакрализации, которая, несомненно, также имела место быть. Главным образом, это детерминировано максимальной включенностью лошади в обыденную жизнь хакаса и его утилитарную деятельность, что, безусловно, способствовало их чрезвычайному сближению. В. Я. Бутанаев совершенно верно отметил, что в хакасском и других тюркских языках обозначение имени человека и номинация «конь» передается одним словом – *ат*. Автор полагает, что данная норма восходит к народной эпической традиции, в которой герой имеет тесную взаимосвязь со своим скакуном [5, с. 55]. Следует добавить, что в фольклоре к именам героев, как правило, добавляется название его коня, причем с обязательным указанием его масти: например, «*Ах ой аттыг Айдолай*» – ‘Айдолай на бело-буланом коне’, «*Хара хулаттыг Хулатай*» – ‘Хулатай на темно-саврасом коне’ и др. [7, с. 46].

В культуре хакасов традиционно коневодством занимались исключительно лишь мужчины. Добавим и то, что в силу объективных исторических причин в прошлом в военных походах и сражениях участвовали преимущественно мужчины-воины как подобает верхом на коне. Потому в традиционном сознании хакасов образ коня неизменно ассоциируется именно с представителями сильного пола. Отождествление коня с мужчиной получило свое яркое воплощение в следующих народных пословицах и поговорках: «*ат – ирнің ханады*» – ‘конь – крылья мужчины’; «*ат сыырыры – хамчыда, ир тыыры – изерде*» – ‘выносливость коня в кнуте, сила (крепость) мужчины – в седле’; «*ир кізінің істінде изерліг ат чызаан*» – ‘мужская стойкость беспредельная (букв. внутри мужчины истлела оседланная лошадь)’ [22, с. 30; 27, с. 79].

В народных воззрениях распространено убеждение в том, что конь и его хозяин, а именно мужчина, чрезвычайно близки не только по духу, но и тождественны друг другу по складу характера, внешним данным и даже наименованию. Подобные суждения были запечатлены в устном народном творчестве хакасов [28, с. 225; 29, с. 104]. В героических сказаниях хакасов красной нитью проходит идея о том, что герой и его конь имеют взаимную принадлежность и общую судьбу. Подобная идея дополняется эпическими воззрениями об их потенциальной кровнородственной связи. Для многих фольклорных произведений типичным является наделение богатыря чертами сверхъестественного происхождения, сакральной связью

с духами-предками и т. д. Например, некоторые герои рождаются непосредственно от лошадей или отдельных природных объектов (скал и пр.), но вместе со своими конями [7, с. 98].

В соционормативной практике хакасов наличие коня для мужчины было мерилем его социального статуса и престижа в обществе. Данная норма постулируется в такой поговорке, как «*кізі полза, аттыг полар, киик полза, түктіг полар*» – ‘человек должен быть с конем, а кося – с шерстью’ [27, с. 79–80]. Еще в конце XIX в. С. Л. Чудновский, характеризуя хозяйственную специфику рассматриваемого народа, сообщал о том, что они преимущественно занимаются коневодством, а некоторые из них владеют табунами в пять-шесть тысяч голов [30, с. 82].

В традиционных суждениях хакасов отсутствие ездового животного рассматривалось как явный признак материальной несостоятельности и даже ущербности человека. Потому в благопожеланиях народа конь всегда был одним из распространенных символов богатства и благоденствия: «*алтанын мўнер аттыг пол, амзап чўрер тамахтыг пол*» – ‘пусть у тебя будет конь, чтобы ездить верхом, пусть у тебя будет еда, чтобы вкушать’; «*чабызах таа полза, аттыг пол, азааң чирге теңмес*» – ‘хоть и низенькая, пусть у тебя будет лошадь, ведь ты будешь ездить (букв. твои ноги не будут касаться земли)’ [27, с. 81]. Отношение хакасов к коню как одной из главных материальных и духовных ценностей в жизни мужчины было красочно описано М. А. Кастреном [31, с. 216]. Идея глубокой привязанности и бережного отношения к коню со стороны его хозяина также представлена в многочисленных народных песнях [1, с. 234].

Хакасы, как и многие другие народы Сибири и Центральной Азии, славились как прекрасные наездники, хорошо знающие повадки своего коня и всегда умело управляющие им. И даже в состоянии физической немощности они могли свободно и без ущерба для себя перемещаться на своих лошадях. В народе не без оснований распространено мнение о том, что и без соответствующего внешнего управления скакун обладает способностью самостоятельно найти дорогу домой и аккуратно доставить туда своего хозяина. Данные суждения основывались на реальных историях, которые неоднократно отмечались в этнографических материалах исследователей XIX в. [31, с. 215–216; 32, с. 309; 33, с. 24–25]. Наблюдения обозначенных ученых свидетельствуют не только об умелом владении конем даже в полубессознательном состоянии, но и глубокой привязанности и преданности этого животного своему хозяину и его высокому интеллекте.

Чрезвычайная близость лошади к человеку, обусловленная реалиями быта и традиционного мировосприятия, также способствовала тому, что в устном народном творчестве хакасов ее образ стал одним из доминирующих при характеристике моральных качеств человека, особенностей его поведения и ценностных ориентиров. В сравнительно-сопоставительном плане образы коня и человека широкое распространение получили в поговорках и поговорках. Обнародуем некоторые из них: «*ат аттың артых поладыр, кізі кізідең артых тўридір*» – ‘лошадь лучше других лошадей бывает, человек лучше других рождается’; «*тайга чирче чўрерге, аттың чахсызы кирек; чон пазында турарга, ирнің чахсызы кирек*» – ‘чтобы по тайге ездить, нужен хороший конь, во главе народа должен стоять хороший мужчина’; «*чахсы атты чўрізінең пілчелер, чахсы кізі тогызынаң кўрчелер*» – ‘хорошего коня по ходу узнают, хорошего человека по работе видят’ и др. [34, с. 43].

В хакасских поговорках часто используется прием сравнительного параллелизма. Сквозь призму образа коня репрезентируются трудные условия, в которых может оказаться человек с самого раннего детства: «*чазыда чортпаан ат чоғыл, чазыбин өскен ир чоғыл*» – ‘нет лошади, которая не пробежала бы рысью по степи, нет мужчины, который бы рос без тягот жизни’; «*өкіс хулун ат өс парча, өкіс олған ир өс парча*» – ‘осиротевший жеребенок вырастает конем, сирота-ребенок вырастает мужчиной’ [27, с. 80]. Довольно устойчивой является смысловая параллель между жеребенком и ребенком, которая широко представлена в поговорках. В них подспудно формулируется вопрос своевременного воспитания подрастающего поколения:

«чабаганы ат өскірерге, паланы ир өскірерге» – ‘жеребенка надо выходить, чтобы стал добрым конем, ребенок надо воспитать, чтобы стал мужчиной’, «аттың чорыгы кічигдең, кізінің чахсызы – чииттең» – ‘ход лошади [виден] с раннего возраста, хорошее в человеке – смолоду’; «чахсы ат хулунде көренче, чахсы кізі кічигде пілдірче» – ‘хороший конь в жеребенке виден, хороший человек в ребенке заметен’; «ат полары – хулуннаң, ир полары – олғаннаң» – ‘каким будет конь, видно по жеребенку, каким будет мужчина, видно по ребенку’ [27, с. 80].

В традиционном мировидении хакасов образ всадника неотделим от понятия «пути/дороги». Обозначенные понятия широко представлены в малых жанрах фольклора. Приведем соответствующие паремии: «айдас атха чол чагын, көөлбек кізее нанчы чагын» – ‘выносливому коню дорога близка, бескорыстному человеку друг близок’; «аттың ибегін чолда пілерзің, че кізі чахсызын чол сыгардох піл» – ‘резвость коня узнаешь в пути, но доброту человека узнай перед тем, как выйти в дорогу’; «ат чахсыда – чол хысха» – ‘если конь хорош, то и путь короток’; «аттың күзі чолда» – ‘сила коня познается в пути’ [27, с. 80].

В мифологическом сознании хакасов взаимосвязанный образ коня и человека репрезентируется не только в процессе антропоморфизации обозначенного животного, но и в гиппоморфизации как самого человека, так и отдельных его органов тела. Данное явление часто встречается в народных загадках, где: 1) конь ассоциируется с человеком; 2) человеческая голова уподобляется коню; 3) зубы и язык отождествляются с лошадьми; 4) уши человека соотносятся с ушами указанного животного и т. д. [1, с. 241, 242, 286, 367]. Признак гиппоморфности представлен и в таком образном выражении, манифестирующем факт искренней и неразлучной дружбы между людьми, как «ат хулагы» (букв. коня ухо) [23, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в культуре хакасов особо значимым был образ «конь – человек», имевший положительную коннотацию. Он был обусловлен историко-культурной спецификой их хозяйствования, главным образом развитым коневодством. В жизни хакаса-скотовода лошадь имела обширные утилитарные функции. Конь является одним из самых умных и преданных домашних животных. Поэтому в народе он всегда пользовался большим уважением и любовью и выступал в качестве символа благополучия. Все вышеперечисленные факторы, безусловно, способствовали абсолютному сближению лошади и человека. Наряду с этим следует констатировать тот факт, что вопреки ее активной включенности в ритуальную практику и сакрализации бытование так называемого культа коня у хакасов все же не обнаруживается. Наоборот, в народе конь часто воспринимается как профанное животное, имеющее неразрывную связь с хозяйственной деятельностью и повседневным бытом людей. Данная реальность способствовала тому, что в традиционном сознании хакасов образ рассматриваемого животного начинает очеловечиваться. При этом он осмысливается не просто как верный друг и помощник своего хозяина, но и наделяется соответствующими чертами человеческого характера. Репрезентация образа «конь – человек» более полное раскрытие получила в эпических произведениях, а также в народных пословицах и поговорках. Двуетельный образ богатыря и его коня является одним из самых ярких в сказительском искусстве хакасов. Герой и его скакун априори семантически взаимосвязаны как общей сакральной природой, так и единой целью своего бытия. Ассоциативно-символическое сравнение образов коня и человека широкое распространение получает в многочисленных паремиях и народных загадках. В них образ этого животного предельно очеловечен и зачастую символически отождествлен именно с мужчиной.

Список источников:

1. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
2. Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами. Л., 1977. С. 164–178.

3. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
4. Дырленкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
5. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
6. Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
7. Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
8. Сунчугашев Я. И. О двуглавых конях в хакасском героическом сказании // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 115–120.
9. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 164 с.
10. Чистобаева Н. С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Абакан: ООО «Кн. изд-во “Бригантина”», 2015. 170 с.
11. Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о ызыхах // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. № 2 (42). С. 111–121.
12. Бурнаков В. А. Образ коня в шаманской атрибутике хакасов (конец XIX – середина XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой научной сессии института археологии и этнографии СО РАН. Т. XXVI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 775–780.
13. Бурнаков В. А. Конь и конская упряжь в обрядности детского цикла хакасов (конец XIX – середина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2022 а, № 1 (35). С. 115–123.
14. Бурнаков В. А. Конь как небесное существо в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – XX век) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2022 б, № 2 (36). С. 105–117.
15. Бурнаков В. А. Конь в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2022 в. № 479. С. 89–99.
16. Бурнаков В. А. Конь в свадебной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология, 2023 а. Т. 22. № 3. С. 140–154.
17. Бурнаков В. А. Конь как хтоническое существо в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2023 б, № 1 (39). С. 102–117.
18. Щукин Н. С. Народы турского языка, обитающие в Сибири // Журнал Министерства внутренних дел, 1847. № 18. С. 255–284.
19. Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
20. Культ (религиозный) // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. М.: Наука, 1993. 240 с.
21. Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 128 с.
22. Нарылкова О. В. Лошадь и ее наименования в хакасском языке // Ежегодник ИСАТ. Вып. XI. Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. С. 29–31.
23. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь: учебное пособие. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 144 с.
24. Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.
25. Степанов А. П. Енисейская губерния. Часть II. СПб.: Тип-я Конрада Вингебера, 1835. 139 с.
26. Хакасские народные тахпахи. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1980. 132 с.
27. Чертыкова М. Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы ат ‘лошадь’ (на материале хакасского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2019. № 2 (38). С. 78–84.
28. Катанов Н. Ф. Сказания и легенды Минусинских татар // Сибирский сборник, 1887. Т. 25. С. 218–234.
29. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. 212 с.
30. Чудновский С. Л. Енисейская губерния: К трехсотлетию юбилею Сибири (Статистико-публицистические этюды). Томск: Тип-я «Сибирской газеты», 1885. 198 с.
31. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
32. Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина, 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
33. Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб.-М.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1895. Т. 12. Ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.

34. Бытотова Л. И. Отражение концепта «лошадь» в языковом сознании русских и хакасов (на материале пословиц и поговорок) // Филологические науки в России и за рубежом. Санкт-Петербург: Реноме, 2013. С. 40–44.

Бурнаков Венарий Алексеевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: venariy@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 октября 2023 г.

V. A. Burnakov

THE CONCEPT OF 'HORSE AND HUMAN' IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE KHAKAS (END OF THE XIX–XX CENTURY)

The Khakas' traditional way of life and economic activity was connected with horse breeding, which was given an important place. The daily life of the Khakas, the cattle breeders, was inextricably linked to the horse, on which practically their entire life depended – from daily housework to eating. This has contributed to the development of a whole complex of ideas about this domestic animal as the closest living creature to man in the traditional consciousness of the people. In the world view of the Khakas, the horse is not only perceived as an indispensable companion and faithful helper to humans but also as an equal partner in the 'horse and human' tandem. This article aims to characterize the concept of 'horse and human' in the traditional worldview of the Khakas. The time frame of the work is limited to the late XIX–XX century. The available sources on the research topic determine the choice of this time frame. Ethnographic and folkloristic materials served as the source basis. The study follows the principle of historicism, in which each cultural phenomenon is considered in its development and in the light of a specific historical situation. The research methodology uses historical and ethnographic methods: Remains (relics) and semantic analysis. According to the study results, the author concludes that the positive ideological concept of 'horse and human' was among the most important in the Khakas' traditional culture. This, of course, testifies to the extremely important role that the horse played in the material and spiritual spheres of the life of these people. In the traditional consciousness of the Khakas, the image of this animal is very close to that of man; it is not only understood as a faithful friend and helper of its master but is also endowed with human qualities. The concept of 'horse and human' was elaborated in epic works and folk proverbs, sayings, and riddles. In the oral folk art of the Khakas, the images of 'horse and human' are inextricably linked. They complement each other and form a whole. In folklore, the ideas about a horse and its owner are manifested through a pictorial parallel. An associative-symbolic comparison is drawn between the behavior of humans and horses. It is noted that the image of this animal is strongly anthropomorphized and is often symbolically identified with humans.

Keywords: *Khakas, traditional culture, worldview, the concept of 'horse and human,' image, symbol, folklore, socio-normative attitudes*

References:

1. Katanov N. F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. S-Peterburg, 1907. Vol. 9. 640 p. (in Russian).
2. Potapov L. P. Kon' v verovaniyakh i epose narodov Saiano-Altaiya [The horse in the beliefs and epic of the peoples of the Sayano-Altai]. Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predaniyami i obryadami [Folklore and ethnography. Connections of folklore with ancient traditions and rituals]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. P. 164–178 (in Russian).
3. Potapov L. P. Altaiskii shamanizm [Altai Shamanism]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 320 p. (in Russian).
4. Dyrenkova N. P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy [The Turks of Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. S-Peterburg: MAE Publ. 2012. 408 p. (in Russian).
5. Butanaev V. Ya. Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan: Publishing House of KhSU, 2003. 260 p. (in Russian).
6. Butanaev V. Ya. Traditsionnyi shamanizm Hongoraya [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan: Publishing House of KhSU, 2006. 253 p. (in Russian).

7. Ungvitskaya M. A., Mainogasheva V. E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Khakas folk poetry]. Abakan, Khakass office Krasnoyarsk Book Publ., 1972. 312 p. (in Russian).
8. Sunchugashev Ya. I. O dvuglavykh konyakh v khakasskom geroicheskom skazanii [About two-headed horses in the Khakass heroic legend]. Voprosy arkhologii Khakasii [Problems of archeology of Khakassia]. Abakan, 1980. P. 115–120 (in Russian).
9. Subrakova O. V. Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa [The language of the Khakass heroic epic]. Abakan: Khakas. book Publ., 2007, 164 p. (in Russian).
10. Chistobaeva N. S. Geroicheskii epos khakasov: Tematika i poetika [The heroic epic of the Khakas: Theme and Poetics]. Abakan: Brigantina Book. Publ., 2015, 170 p. (in Russian, in Khakas.).
11. Burnakov V. A. Traditsionnye predstavleniya khakasov o zvykhakh [Traditional views of the Khakas about the Zvykhs] // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2010. Vol. 2 (42). P. 111–121 (in Russian).
12. Burnakov V. A. Obraz konya v shamanskoj atributike khakasov (konec XIX – seredina XX veka) [The image of a horse in the shamanic attributes of the Khakass (late XIX – mid XX century)]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territoriy: materialy godovoy nauchnoy sessii instituta arheologii i jetnografii SO RAN. T. XXVI [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: materials of the annual scientific session of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Vol. XXVI]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. P. 775–780 (in Russian).
13. Burnakov V. A. Kon' i konskaya upryazh' v obryadnosti detskogo tsikla khakasov (konets XIX – seredina XX veka) [Horse and horse harness in the rituals of the Khakass children's cycle (late XIX – mid XX century)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2022. Vol. 1 (35). P. 115–123 (in Russian).
14. Burnakov V. A. Kon' kak nebesnoe sushhestvo v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyakh khakasov (konets XIX – XX vek) [The horse as a celestial being in the religious and mythological representations of the Khakas (late XIX – XX century)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2022. Vol. 2 (36). P. 105–117 (in Russian).
15. Burnakov V. A. Kon' v traditsionnoj pohoronnoy obryadnosti khakasov (konets XIX – seredina XX v.) [The horse in the traditional funeral rites of the Khakass (late XIX – mid XX century)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2022. Vol. 479. P. 89–99 (in Russian).
16. Burnakov V. A. Kon' v svadebnoy obryadnosti khakasov (konets XIX – seredina XX veka) [The horse in the wedding ceremony of the Khakass (late XIX – mid XX century)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2023. Vol. 22. No. 3. P. 140–154 (in Russian).
17. Burnakov V. A. Kon' kak khtonicheskoe sushhestvo v verovaniyakh i fol'klore khakasov (konets XIX – seredina XX veka) [The horse as a chthonic being in the beliefs and folklore of the Khakass (late XIX – mid XX century)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2023. Vol. 1 (39). P. 102–117 (in Russian).
18. Shchukin N. S. Narody turskogo yazyka, obitayushchie v Sibiri [Peoples of the Turk language living in Siberia] // Zhurnal Ministerstva vnutrennih del [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1847. Vol. 18. P. 255–284 (in Russian).
19. Nesterov S. P. Kon' v kul'tah tyurkoyazychnykh plemen Central'noy Azii v epokhu Srednevekov'ya [Horse in the cults of the Turkic-speaking tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 143 p. (in Russian).
20. Kul't (religiozniy) [Cult (religious)]. Religioznye verovaniya: Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Vyp. 5 [Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms. Vol. 5]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 240 p. (in Russian).
21. Mudroe slovo. Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits, pogovorok i zagadok [Wise Word. Collection of Khakass folk proverbs, sayings and riddles]. Abakan, 1976, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 128 p. (in Russian and in Khakas.).
22. Narylkova O. V. Loshad' i ee naimenovaniya v khakasskom yazyke [Horse and its names in the Khakass language]. Ezhegodnik Instituta Sayano-altaiskoy tyurkologii. Vyp. XI [Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Archeology. Vol. 11]. Abakan: KhSU Publ., 2007. P. 29–31 (in Russian).
23. Borgoyakova T. G. Kratkiy khakassko-russkiy frazeologicheskij slovar': uchebnoe posobie [Brief Khakass-Russian phraseological dictionary. Tutorial]. Abakan: KhSU Publ., 1996. 144 p. (in Khakas., in Russian).
24. Burnakov V. A. Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The spirits of the Middle world in the traditional worldview of the Khakas people]. Novosibirsk, 2006, IAET SO RAN Publ. 197 p. (in Russian).
25. Stepanov A. P. Eniseyskaya guberniya. Chast' II [Yenisei province. Part II]. St.-Petersburg, Konrad Vingeber Publ., 1835. 139 p. (in Russian).

26. Khakasskie narodnye takhpakhi [Khakass folk takhpakhas]. Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. book Publ., 1980. 132 p. (in Russian).
27. Chertykova M. D. Poslovichnaya konceptualizaciya obshchetyurkskoiy zooleksemy at “loshad” (na materiale khakasskogo yazyka) [Proverbial conceptualization of the common Turkic zoolexeme at ‘horse’ (based on the material of the Khakass language)] // Jazyki i fol’klor korennyh narodov Sibiri [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2019. Vol. 2 (38). P. 78–84 (in Russian).
28. Katanov N. F. Skazaniya i legendy Minusinskikh tatar [Tales and legends of the Minusinsk Tatars] // Sibirskij sbornik [Siberian collection]. 1887. Vol. 25. P. 218–234 (in Russian).
29. Yakovlev E. K. Jetnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob’yasnitel’nyi katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya. Vyp. 4 [Ethnographic overview of the foreign population of the Southern Yenisei valley and Explanatory catalog of the Ethnographic Department of the museum. Description of the Minusinsk Museum. Vol. 4]. Minusinsk: V. I. Kornakov Publ., 1900. 212 p. (in Russian).
30. Chudnovskiy S. L. Eniseyskaya guberniya: K trekhstotletnemu yubileyu Sibiri (Statistiko-publicisticheskie etyudy) [Yenisei province: To the three hundredth anniversary of Siberia (Statistical and journalistic studies)]. Tomsk: «Sibirskaya gazeta» Publ., 1885. 198 p. (in Russian).
31. Kastren M. A. Puteshestvie v Sibir’ (1845–1849) [Travel to Siberia (1845–1849)]. Tyumen’: Ju. Mandriki Publ., 1999. 352 p. (in Russian).
32. Ostrovskikh P. E. Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic Notes about the Turks Minusinsk Territory] // Zhivaya starina [Living antiquity]. 1895. Vol. 3–4. P. 297–348 (in Russian).
33. Kropotkin A. A. Sayanskii khrebet i Minusinskii okrug [Sayan Range and Minusinsk District]. Zhivopisnaia Rossiya [Picturesque Russia]. S-Peterburg-Moskow: M. O. Vol’f Publ., 1895. Vol. 12, iss. 1. Eastern outskirts of Russia. Eastern Siberia. P. 19–50 (in Russian).
34. Bytotova L. I. Otrazhenie koncepta «loshad’» v yazykovom soznanii russkih i khakasov (na materiale poslovits i pogovorok) [Reflection of the concept “horse” in the linguistic consciousness of Russians and Khakassians (based on proverbs and sayings)]. Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom [Philological sciences in Russia and abroad]. St. Petersburg: Renome Publ., 2013. P. 40–44 (in Russian).

Burnakov Venariy Alekseevich.

Ph.D. in history, senior researcher.

Department of Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS.

Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: venariy@mail.ru